

Проблема квазицивилизационных проектов в контексте задач российского нациестроительства

Буданов Максим Александрович

Кандидат исторических наук, доцент, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: budanov@spa.msu.ru

SPIN-код РИНЦ: [6885-1524](https://elibrary.ru/6885-1524)

Аннотация

Квазицивилизационные проекты — разновидность идеологической подрывной деятельности, в том числе инспирируемой извне, основанной на двойной лояльности части россиян и нацеленной в конечном итоге на сецессию каких-либо территорий или даже развал России. Общенациональная идентичность несет огромную политическую и социальную нагрузку и является перекрывающей идентичностью, то есть она масштабнее и шире этнической и конфессиональной идентичности. Коллективные мифы и их общепринятые в обществе трактовки становятся фундаментом принципов, которые призваны объяснить справедливость и целесообразность совместного проживания членов политической нации. Но в то же время именно эта коллективная мифология может становиться объектом манипуляций, нацеленных на подрыв национального единства. Квазицивилизационный проект можно понимать как комплекс лозунгов и представлений о возможности успешного развития политического образования на месте уже сложившегося государства и за счет его территории и населения. Речь идет в первую очередь об отрицании имеющегося проекта гражданской нации и желании создать на его месте какой-то новый. Данный феномен стал возможным в условиях общества информационного типа, поскольку произрастает не из реально существующих национально-освободительных движений, а является симулякрот национальной борьбы. Подобные проекты наличествуют в недрах шовинистически настроенной интеллигенции некоторых народов России, подпитываются соответствующей исторической мифологией и, как правило, внимательно отслеживаются, отрабатываются иностранными спецслужбами. Если идея российской гражданской нации подразумевает сверхэтническую общность, то в описываемых квазицивилизационных проектах господствуют не интеграционные, а сегрегационные установки.

Ключевые слова

Гражданская нация, двойная лояльность, массовое историческое сознание, национальная и конфессиональная идентичность, перекрывающая идентичность, российская цивилизация, сепаратизм.

Problem of Quasi-Civilization Projects in the Context of Nation-Building Tasks in Russian Federation

Maxim A. Budanov

PhD, Associate Professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: budanov@spa.msu.ru

Abstract

Quasi-civilization projects are a kind of ideological subversive activity, including those inspired from the outside, based on the dual loyalty of a part of Russians and aimed, ultimately, at the secession of some territories or even the collapse of Russia. National identity carries a huge political and social burden, is an overlapping identity, which is larger and wider than ethnic and confessional identity. Collective myths and their generally accepted interpretations in society become the foundation of principles that are designed to explain the fairness and expediency of cohabitation of political nation members. However, at the same time, this collective mythology can become the object of manipulations aimed at undermining national unity. A quasi-civilizational project can be understood as a complex of slogans and ideas about the possibility of a new state successful development on the territory of the actual state and at the expense of its territory and population. We are talking, first of all, about the denial of the existing project of a civic nation and the desire to create some new one in its place. This phenomenon became possible in the information society, since it does not grow out of really existing national liberation movements, but is a simulacrum of the national struggle. Such projects are present in the nationalist intellectual groups of some peoples of Russia, are fueled by the corresponding historical mythology and, as a rule, are closely monitored and worked out by foreign special services. If the idea of a Russian civic nation implies a supra-ethnic community, then the described quasi-civilization projects are dominated not by integration, but by segregation attitudes.

Keywords

Civic nation, dual loyalty, collective historical consciousness, national and confessional identity, overlapping identity, Russian civilization, separatism.

Введение

Бытование в массовом сознании современных россиян различных идейно-политических комплексов, отрицающих актуальную российскую политическую систему, общественный строй, суверенитет, порождает широкий спектр угроз. Такое состояние умов способно породить разрушительные тенденции, угрожающие существованию нашего общества и государства.

Мы оказались в ситуации, когда любое мощное экономическое и социальное потрясение может привести к реализации сценария новой Смуты, революции, гражданской войны только потому, что часть населения страны видит некую цивилизационную альтернативу развития России или ее частей, винит во всех социально-экономических и прочих трудностях само существование нашего государства. Речь, таким образом, идет о распространенности среди значительной части наших сограждан двойной лояльности. Дополнительной особенностью современного информационного фона в российском обществе оказывается появление и бурное развитие квазицивилизационных проектов.

Квазицивилизационный проект — комплекс лозунгов и представлений о возможности успешного развития политического образования (как новой единицы-государства, так и конфедерации этнокультурно или конфессионально родственных государств) вопреки существующему политическому порядку и суверенитету. Во многом этот феномен стал возможным именно в условиях общества информационного типа, поскольку произрастает не из реально существующих национально-освободительных движений, а является симулякрот национальной борьбы. Можно уверенно констатировать, что это не только российское, но и общемировое явление. На фоне действительных кризисов глобального порядка, обострения международных отношений в разных регионах, катаклизмов экологического, ресурсного, хозяйственного характера в воображении людей, дотол не выходивших в своем поведении за пределы собственной повседневности, вдруг оживают, казалось бы, забытые национальные обиды, старые претензии к соседним странам или бывшим метрополиям. При целенаправленной популяризации и распространении в информационном пространстве подобных национальных комплексов в отношении конкретных целевых групп, собранных по этническому или конфессиональному признаку, можно воплотить глухое недовольство в политическое действие через создание политических организаций, сетей, групп влияния. Такие проекты очень часто развиваются в недрах шовинистически настроенной интеллигенции и некоторых народов России, подпитываются соответствующей исторической мифологией и, как правило, внимательно отслеживаются, отрабатываются иностранными спецслужбами. Таким образом, можно классифицировать квазицивилизационные проекты как разновидность идеологической подрывной деятельности, в том числе инспирируемой извне, основанной на двойной лояльности части россиян и нацеленной в конечном итоге на сецессию каких-либо территорий или даже развал России.

Почему квазицивилизационные проекты угрожают российской нации

Первостепенное значение в вопросах нациестроительства придается консолидации сообщества. Во многом единство гражданской нации обеспечивается (помимо всего прочего) созданием и поддержанием стройной общенациональной мифологии¹ [Пушкарева 2017; Никовская 2018; Дробижева 2020]. Без коллективных мифов о прошлом не может существовать и развиваться ни одна большая историческая общность, в которой все члены не могут лично знать друг друга и поддерживать постоянные личные отношения по статистическим причинам, то, что Б. Андерсон назвал термином *imagined community* («воображаемое сообщество»), но правильнее было бы понимать как «сообщество представляемое», поскольку речь идет все-таки о реально существующем и действующем большом коллективе, субъектном и рефлексивном. Именно коллективные мифы, а вернее, их общепринятые в обществе трактовки становятся фундаментом принципов, которые призваны объяснить справедливость и целесообразность совместного

¹ Ряд западных авторов критически оценивает результаты процесса нациестроительства в постсоветской России [Shevel 2011; Goode 2018].

проживания членов нации. Общенациональная идентичность несет огромную политическую и социальную нагрузку, по сути является идентичностью перекрывающей, которая масштабнее и шире идентичности как этнической, так и конфессиональной. «Миф — необходимейшая... категория мысли и жизни; и в нем нет ровно ничего случайного, ненужного, произвольного, выдуманного или фантастического. Это — подлинная и максимально конкретная реальность» [Лосев 2018, 37]. Но в то же время именно эта коллективная мифология может становиться объектом манипуляций, нацеленных на подрыв национального единства. Дело в том, что национальная идентичность — лишь один из многих ярусов личностной идентичности наряду с этнической, региональной, родовой, конфессиональной и др. [Semenenko 2015]. В случае утраты интереса и доверия, допустим, к комплексу общенациональной мифологии, индивид может спонтанно (либо управляемо) выдвинуть на первый план вместо этого яруса любой другой. Как следствие, будут деформироваться и неизбежно разрушаться невидимые глазу «соединительные ткани» нации. Деактуализация общенациональной гражданской идентичности легче всего происходит путем гипертрофирования идентичности этнокультурной или религиозной.

В самых разных регионах мира на рубеже XX и XXI вв., где были зафиксированы сепаратистские устремления, произошла постепенная замена этнофаворитических лозунгов на декларацию цивилизационных (глобальных или макрорегиональных) амбиций. Бывшие национальные окраины бывших империй Старого Света вдохновляются примерами освобождения от колониальной зависимости, через которое прошли некоторые ныне вполне состоявшиеся национальные государства. Можно констатировать, что в условиях модернизации догоняющего типа, например, в странах бывшего третьего мира национализм становится одной из главных скреп общества: «Религиозный аспект национализма в ряде азиатских стран проявляется в том, что в нем видят мессианское движение, воплощение мечты о лучшем будущем (при ненависти к “неправильному” настоящему), причем дело доходит до совершенно потрясающих лозунгов, подражающих традиционным религиям» [Федоров, Филюшкин 2016, 82].

В 1990-е гг. исследователи по обе стороны Атлантики (С. Хантингтон, Б. Як, Э. Хобсбаум, Л. Гринфельд и многие другие) изумлялись возвращению национализма². Сейчас, по истечении трех десятилетий, мы можем уверенно констатировать, что возвращение национализма произошло в очень разрушительном для мирового порядка варианте — в виде этнофаворитизма и национального реваншизма самого разного происхождения и самой широкой географии. Рост информированности публики, в целом доступности информации, с одной стороны, и самоустранение сверхдержавы СССР, с другой, спровоцировали, в частности, многообразный и в какой-то мере хаотический пересмотр исторических процессов новейшей истории и их итогов. Особенно яркий пример — нынешние разнообразные трактовки причин, хода и результатов Второй мировой войны. В частности, по разным причинам с 1944 г. сателлиты Гитлера — Румыния, Финляндия, Венгрия, Польша (до определенного момента выступавшая в качестве союзника нацистской Германии, в частности принявшая участие в оккупации и разделе Чехословакии в октябре 1938 г.) и проч. — были «прощены» Антигитлеровской коалицией, но со временем благополучно «забыли» об этом. В настоящее время общественные и политические лидеры стран Центральной и Восточной Европы фактически возрождают лозунги 20-40-х гг. прошлого века. Так, один из лидеров ультраправой венгерской партии «Сила и решимость» — Жолт Тиритьян — высказывается весьма откровенно: «Мировая история создается и теряется населением, борьбой за жизненное пространство и борьбой за сохранение жизненного пространства... У меня есть понимание расы. Я горжусь тем, что я белый европеец». Соратник по партии Балаш Ласло

² О росте регионального этносепаратизма в России после распада СССР см. [Gorenburg 1999].

вторит коллеге: «Наша этническая община должна быть на первом месте... Равенства нет»³. На фоне аккуратного включения памяти о Ф. Салаше и М. Хорти, союзниках и сателлитах Гитлера, в историческую венгерскую мифологию⁴ подобные откровения звучат очень симптоматично. Аналогичные процессы не первое десятилетие фиксируются в Румынии, Хорватии, Польше⁵ [Zubrzycki 2006]. Подчеркнем, что речь здесь идет не о каких-либо маргиналах политического процесса, а о вполне легальных организациях, пользующихся массовой поддержкой, публичными трибунами и даже симпатиями правящих местных элит. Но это только самый бросающийся в глаза симптом сегодняшней специфики национально-политических отношений. Не является открытием тот факт, что в ядре национальной идеи Польши и в какой-то степени Румынии давно оказались шовинистические установки и заявления о неизбывной ответственности России за исторические неудачи этих государств. Подобные претензии можно отнести к основам коллективной самоидентификации общества в целом ряде восточноевропейских государств. Тем не менее здесь мы имеем дело с идеологическими и информационными процессами в недрах давно сложившихся национальных государств, когда вновь предлагаемые реваншистские лозунги легко сочетаются с привычными для данного общества коллективными мифами. В конечном итоге это явление можно считать внутренней проблемой страны, в которой оно возникло.

Однако все это примеры за пределами нашего Отечества. Основная же проблема заключается в том, что и внутри Российской Федерации последние десятилетия находится аудитория для аналогичных построений и основанной на них идеологической работы. Важно понимать, насколько полиэтничность России соотносится с актуальным «реестром» подобных проектов. Территория нашего государства является объектом притязаний со стороны самых разнообразных квазицивилизационных проектов (неоосманизм с «исторической» картой Турции до Белгорода, «эмират» Кавказ, «европейская» Украина до Волги и проч.). Политическая элита России в постсоветский период долгое время была индифферентна по отношению к подобным проектам. Достаточно вспомнить, что до 2003 г. в официальном гимне Украины присутствовали слова о «естественных пределах» ее территории:

«Станем, браття, всі за волю, від Сяну до Дону,
В ріднім краю панувати не дамо нікому.
Чорне море ще всміхнеться, дід Дніпро зрадіє,
Ще у нашій Україні доленька наспіє!».

Хотя автор текста гимна Павло Чубинский не дотянул до уровня проектов самостийников XX в. с их притязаниями на Кубань, Нижнее Поволжье, рассуждениями про «зеленый клин» (историческую территорию расселения украинцев) Сибири и Дальнего Востока, но даже строчка «От Сана до Дону» — как минимум серьезный повод для вопросов и разбирательства с российской стороны. Учитывая, что территория независимого с 1991 г. государства Украина никак не касается берегов Дона, а этнических украинцев-граждан Российской Федерации насчитывалось около 3% населения к моменту распада Советского Союза⁶, можно было бы ожидать от российских властей и общества соответствующей реакции. Однако никаких вопросов на официальном уровне украинской стороне никогда не задавалось. При этом нужно помнить, что политическое украинство неоднократно использовалось за прошедшее столетие внутри России ее врагами как мощный

³ Hungarian far right launches new political party // The Guardian [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2017/jul/08/hungarian-far-right-launches-new-political-party> (дата обращения: 11.12.2021).

⁴ Стоит вспомнить, например, торжественное возвращение праха Хорти на родину из Португалии или установление его бюста в 2012 г. в присутствии официальных лиц, а также многие другие красноречивые факты.

⁵ См., например: Владимир Коробов: Румынский этатизированный национализм как источник международных конфликтов // Regnum [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/1453279.html#ixzz2LYweW9kR> (дата обращения: 11.12.2021).

⁶ Население России за 100 лет (1897–1997): Стат. сб. / Госкомстат России. М.: Московский издательский дом, 1998. С. 67.

дестабилизирующий фактор. В настоящее время на территории самой России правоохранные органы практически регулярно вскрывают террористические сети проукраинской направленности. Далеко не единственный пример — разоблачение ячеек неонацистской структуры «М.К.У.» в Санкт-Петербурге, Белгороде, Тюмени, Краснодарском крае и других регионах Российской Федерации⁷. Нетрудно сделать вывод, что важным подготовительным этапом для появления таких групп сепаратистов была пропаганда соответствующей мифологии на фоне недостаточно высокого уровня исторических знаний в нашем обществе.

Насколько полиэтничность России соотносится с реестром квазицивилизационных проектов

Говоря о разворачивающихся в России духовно-идеологических процессах, необходимо отметить, что проблемна не полиэтничность сама по себе, а то, как ее воспринимают в обществе. Болезненность духовных процессов, происходящих в нашем обществе в связи с трансформациями массового исторического сознания, сейчас особенно заметна на примере регионов с населением, отличающимся травмированным восприятием прошлого. Политическая нация, так же как и государство, не может существовать без территории. Это положение в российском случае вступает в противоречие с исторической традицией, поскольку российская нация наличествует, но существует она в географическом смысле там же, где частично размещен ареал развития разных культурно-исторических типов, как существующих, так и воображаемых (к числу первых отнесем, например, исламскую, буддистскую).

Как было показано выше, пространственная проекция национального вопроса — первопричина многих исторических бед современной России. Это выражается, в частности, в том, что разрастание проблемы двойной лояльности в постсоветский период в значительной степени обусловлено этнокультурной неоднородностью территории нашей страны. С одной стороны, здесь проявляется путаница в трактовке понятия «нация». Многие полагают, что нация — это и есть этнос, стадия эволюции этноса, исторически и политически зрелый, сложившийся этнос. Вопрос о соотношении этнического и национального принципов глубоко проанализирован в работе академика В.А. Тишкова [Тишков 2021]. Раз есть этнос, значит, у него должна быть своя земля (территория проживания). Если на эту землю распространяется суверенитет какого-либо государства, то лучше (надежнее, крепче, стабильнее), чтобы это государство было образовано по этническому принципу. Налицо стереотип, прошедший на Западе в своем длительном развитии через стадии просвещенческого либерализма, гегельянства, марксизма и прочно обосновавшийся в России, стереотип, дважды способствовавший масштабным потрясениям нашего государства — в 1917 и 1991 гг. Причины данных социально-политических катаклизмов в настоящее время становятся все очевидней. Сформулированный здесь стереотип повинен в абсолютно плоском, однолинейном понимании полиэтничности государства — многонациональность всегда означает слабость государственной конструкции, а национальные меньшинства в его составе всегда угнетены. То, что подобное понимание есть законнорожденное дитя западной политической философии, легко доказать, вспомнив историю и место возникновения этнонационализма, шовинизма, вспомнив, как легко принял западный мир тезис о разделенной германской нации в межвоенный период, а также насколько глубоко гитлеровское руководство верило в неизбежность раскола советского общества по этническому принципу в случае германского вторжения. Наконец, вспомнив, какими путями демонтировались колониальные империи в XIX и XX вв.

⁷ФСБ раскрыла в Белгороде ячейку украинской неонацистской группы // RT [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.rt.com/russia/news/880433-belgorod-yacheika-ukrainskaya-neonacistskaya-gruppa> (дата обращения: 11.12.2021); В России выявили более сотни готовивших теракты украинских неонацистов // РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20211213/ekstremisty-1763398704.html> (дата обращения: 14.12.2021).

Гораздо труднее отыскать ответ на вопрос, почему именно такая трактовка многонациональности утвердилась в отечественной общественно-политической мысли и проложила себе дорогу в российской политической действительности? В Российском государстве, которому изначально была чужда этническая модель политогенеза, долгое время был задействован религиозный принцип, перешедший отчасти «по наследству» от Восточной Римской империи. После (как результат петровской модернизации) стал актуальным принцип светской империи с династийным каркасом института подданства и сословной моделью общества. Несомненно, этот принцип был взят в Западной Европе. Когда же в ходе революции разрушилась российская имперская конструкция, а потом стали отмирать западные колониальные державы, в умах новых нациестроителей утвердилась этническая модель государства как в границах исторической России, так и за ее пределами. Подчеркнем — речь идет не об актуальном способе политического существования, а о способе объяснения имеющейся политической действительности.

В настоящий момент российское руководство вынуждено действовать в условиях политической и административной системы, сложившейся отчасти в советский период. Территориализация и политизация этничности, накладывающиеся на федеративную форму государственного устройства, сегодня суть объективный факт нашей действительности, от которого никуда не деться. В соответствии с этим фактом должны выстраиваться и идеологическая работа, и политический процесс. Поэтому неизбежно в современной России политические риски обретают и этнотерриториальную специфику. В первую очередь подразумеваются возможные этносепаратистские настроения внутри административно-территориальных образований, получивших когда-то этническое наименование (к слову, даже сегодня часто можно услышать в российском медийном пространстве термин «национальные республики»). Но основная угроза внутреннему миру и стабильности в современной Российской Федерации даже не в этом. Исторический опыт показывает, что, во-первых, в современном мире моноэтнические государства довольно редки, а, во-вторых, общество, особенно с преобладанием традиционного уклада, как правило, не удовлетворяется политическим путем моноэтнического государственного строительства. Исторически активные социумы стремятся к выполнению более амбициозных задач, чем сотворение национальной «квартиры», их историческая биография рано или поздно выходит за рамки моноэтнической государственной модели. Наконец, самое важное, сформулированная цель национального развития есть интеллектуальный продукт. Даже не нашедшая своего воплощения национальная идея глубоко влияет на сознание людей, становится ориентиром в борьбе за воображаемое коллективное счастье. Она длительное время может находиться в «спящем» состоянии, быть уделом маргиналов и диссидентов. Но в определенный момент она становится лозунгом политической борьбы. И чем смелее и масштабнее подобные мечты, тем притягательнее идея для потенциальных лидеров. В этой ситуации лозунг о праве нации на самоопределение может легко смениться на глобальную претензию в самом отдаленном уголке ослабленной империи.

Хорошо известная иллюстрация обозначенных тенденций — идеологическое развитие сепаратизма в 1990-е гг. в Чеченской республике, который вначале оформлялся в шовинистическом ключе, но постепенно принимал очертания исламского фундаментализма и таким образом получал глобализационный импульс. Все исследователи данного вопроса сходятся на изначальных внеисламистских устремлениях режима Джохара Дудаева. К моменту распада СССР чеченскому сообществу были в основном свойственны этнофаворитические, а не исламистские устремления. Кроме того, заметны были массовые предпочтения адата шариату, совершенно дежурное апеллирование к исламской модели общества, господство тезисов

о строительстве моноэтнического суверенного государства [Тишков 2001, 338]. Следствием данных факторов было удаление ингушской составляющей из ЧИАССР (как вынужденный результат — образование республики Ингушетия), изгнание и резня нечеченского населения, главным образом русского. В выступлениях Джохара Дудаева и сторонников в 1991–1994 гг. больше делался акцент на стремлении к созданию светского и демократического государства, чем говорилось об исламском характере противостояния России. Обстоятельства подобного идеологического обрамления вполне понятны: общество в Чечне, несмотря на этнокультурные особенности, тогда было по своему менталитету скорее советским, чем мусульманским, и пока еще не просматривались пути такого резкого перехода к новой модели коллективного поведения. Ввод федеральных сил на территорию республики в ноябре 1994 г. подтолкнул элиты самопровозглашенной Ичкерии к идеологическому маневру от этнофаворитизма к исламскому фундаментализму. Во-первых, это должно было более качественно сплотить чеченцев, придать их сопротивлению яркий религиозный характер. Во-вторых, могло привлечь внимание мусульман по всему миру и, как результат, обеспечить финансирование и организационную поддержку из-за рубежа. «Джихадизация чеченских и кавказских моджахедов началась в середине 1990-х и вылилась в октябре 2007 г. в провозглашение “Кавказского эмирата” /КЭ/ на месте радикально националистической “Чеченской республики Ичкерия”»⁸. Разумеется, напрашивается вывод об определенной навязанности описываемого идеологического выбора. И дополнительно отметим, что угроза целостности Российской Федерации могла обрести гораздо большие масштабы, если бы джихадизация проекта «Ичкерия» и нарастание ваххабизма совпали по времени с образованием на Ближнем Востоке так называемого «Исламского государства»⁹.

Современное состояние проблемы на территории Северо-Кавказского федерального округа (СКФО) можно охарактеризовать как потенциально способную оживить исламистские настроения в обществе. Но специфика СКФО заключается в том числе и в комбинации целой палитры вызовов информационной природы, в числе коих фундаментализму принадлежит самое заметное, но далеко не единственное место. Раз данные вызовы носят идеологический характер, то весьма проблематично спрогнозировать их развитие. Отрезок времени от «дремлющего» состояния к актуализации лозунгов может быть весьма короток. В этом залог «живучести» и привлекательности двойной лояльности в обществе с некоторыми чертами современного информационного типа. Этот феномен современного массового сознания часто носит фантомный характер и может произрастать из особенностей как этнической, так и конфессиональной самоидентификации индивида [Буданов 2017, 127]. Достаточно частым результатом таких коллективных мечтаний и оказывается создание квазицивилизационных проектов — оформленных представлений об альтернативном пути политического и культурного развития данного социума, конфликтующих с господствующим дискурсом.

Соотнесенность популярности квазицивилизационных проектов с внешними угрозами

Кроме исламского фундаментализма со всеми ответвлениями, к квазицивилизационным проектам, имеющим потенциал развития на территории СКФО, можно причислить пантюркизм,

⁸ Угроза боевиков из «Кавказского эмирата» становится глобальной // ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/politika/647962> (дата обращения: 14.12.2021).

⁹ «Исламское государство» (сокращенно ИГИЛ) — экстремистская террористическая организация, запрещенная на территории Российской Федерации.

панкавказизм, а также комплекс идей о политическом самоопределении адыгской нации. Пантюркизм более популярен и лучше изучен, но самое главное — имеет больше исторических оснований для трансформации в цивилизационную единицу на евразийском пространстве. Чаще всего о пантюркизме говорят, подразумевая идейно-политическое течение, в основе которого закреплён лозунг о политической консолидации тюркских народов, а также стремление к общетюркской империи на землях всех тех государств, где компактно проживают народы, говорящие на языках тюркской группы. Пантюркизм располагает облегченной, культурно-образовательной версией, у истоков которой стоял крымско-татарский общественный и культурный деятель Исмаил Гаспринский (Гаспралы). Эта версия выражается в манифестации воли тюркских народов к общему сближению языков и культуры без очевидной политической составляющей. Тем не менее наличие данной версии задействуется, как правило, при необходимости примиренческих маневров пантюркистов. Все же основное содержание пантюркизма — политическая консолидация тюрков в составе некоего государственного образования континентального масштаба [Тишков 2001, 115]. Можно перечислить основные элементы пантюркистского квазицивилизационного проекта:

- Великий Туран, понимаемый как исток всех тюркоязычных народов;
- политическая и цивилизационная ориентация тюрков (вне зависимости от места проживания) на современную Турцию;
- воспевание турецкого опыта модернизации и мифологизация исторического пути Турции;
- требование политической и национальной консолидации (прежде всего за счет России и среднеазиатских государств) тюркоязычных народов с четко просматриваемой примордиалистской философией нациестроительства;
- тюркизация (в том числе насильственная) прочих народов, географически и религиозно близких к тюркам.

Главный центр притяжения пантюркистских устремлений и мечтаний — Турция. Современное турецкое государство представляет собой первый среди мусульманских стран весьма успешный вариант модернизации с переходом к светской модели развития и тесной интеграцией в атлантическое цивилизационное пространство. Парадокс протурецкого пантюркизма именно в том, что любой сторонник квазицивилизационных проектов отыщет в нем почву для своих построений. Поклонник технического прогресса найдет привлекательную картинку индустриального успеха (гипертрофированно разрекламированного в русскоязычном информационном пространстве), традиционалист — заявку на возрождение Османской империи с халифом во главе. Однако в генеральном своем воплощении османские имперские амбиции находят достаточно широкий отклик на постсоветском пространстве. В Турции об этом твердо знают и целенаправленно работают в данном направлении. Президент Турецкой республики Тургут Озал заявил в 1991 г.: «Тюркский мир станет доминирующим фактором на евразийском пространстве от Балкан до Китайской стены»¹⁰. В задачи настоящей статьи не входит сам по себе анализ многоаспектной работы по перехватыванию Турцией лидерства в политической консолидации тюркского мира, тем более что эффект от этой работы довольно громкий и многократно описан в специализированной литературе. Достаточно

¹⁰ Турецкий реваншизм. Эрдоган строит новую Османскую империю // Военное обозрение [Электронный ресурс]. URL: <https://topwar.ru/161815-tureckij-revanshizm-jerdogan-stroit-novuju-osmanskuju-imperiju.html> (дата обращения: 11.12.2021).

просто вспомнить самые известные направления распространения «мягкой силы» неосманизма, например сеть турецких лицеев, до 2003 г. функционировавших в разных регионах Российской Федерации и до сих пор существующих в ряде государств Средней Азии и Закавказья. Сюда же можно отнести культурно-просветительский фонд «Призма», восходящий к деятельности «Нурджулар» (экстремистская организация, запрещенная на территории России)¹¹ и многие другие примеры. Пусть большей частью они связаны с деятельностью последователей известного проповедника Фетхуллага Гюлена и оказались в оппозиционном положении к нынешней официальной Анкаре, но важен сам принцип долгосрочной работы с интеллигенцией, журналистским сообществом, учащейся молодежью в российских регионах — работы неспешной, но кропотливой и целенаправленной. Она не имела бы надежды на успех, если в самом российском обществе не существовал мощный туркофильский задел, выражающийся в преклонении части граждан перед османским историческим путем и отторжении образа российской цивилизации. Хотя в данном случае можно констатировать, что слабость пантюркистского квазицивилизационного проекта в его изначальной раздвоенности, технологической и финансовой зависимости. Османская империя никогда не была самодостаточным цивилизационным очагом, а последние 200–250 лет не была и самодостаточной геополитической единицей. Современные российские пантюркисты опираются на данный проект главным образом как на воображаемую реальность, но работают над разрушением вполне реального цивилизационного проекта — российского.

Отдавая должное эфемерности большинства компонентов пантюркистского проекта, надо признать, что его пропагандистский потенциал весьма заметен, к примеру, на территории СКФО. К пантюркистской пропаганде с готовностью прислушиваются представители не только тюркоязычных народов, но и других коренных этнокультурных сообществ, традиционно относящихся к мусульманам-суннитам. Имперское очарование османского прошлого оказывается очень притягательным для этих этносов из-за конфессиональной близости и по причине отсутствия в их истории непосредственного соприкосновения с экспансионистской политикой Оттоманской империи, что неизбежно порождает очевидную идеализацию прошлого. Как следствие — увлеченность в молодежной среде северокавказских регионов идеями пантюркизма. Нельзя при этом проигнорировать тот факт, что разрушительный потенциал идеологии пантюркизма на Кавказе уже давно осознается местной культурной и политической элитой. Речь идет не только об угрозе турецкой территориальной экспансии, которая далеко не всем по душе в этом макрорегионе, но и о неприемлемости языковой и культурной ассимиляции тюрками прочих народов Северного Кавказа [Хапизов 2014, 30, 47].

Адыгский политический национализм также может быть отнесен к категории квазицивилизационных проектов. Он подпитывается за счет мощного вещания из-за рубежа на тему так называемого «геноцида» черкесов (адыгского народа) в ходе Кавказской войны 1817–1864 гг. Необходимо признать, что объективных предпосылок для «подогревания» адыгского вопроса в нашем информационном пространстве более чем достаточно. Это и недостаточная изученность многих обстоятельств самой Кавказской войны, и неудовлетворительная освещенность в специальной литературе темы мухаджирства (мусульманского исхода в Османскую империю в XIX в.) значительной доли черкесов, а также масштабы демографических потерь названных

¹¹ Турецкие лицеи в Поволжье // Посреди России [Электронный ресурс]. URL: <https://posredi.ru/tataro-tureckie-licei.html> (дата обращения: 11.12.2021); Татаро-турецкие лицеи — по-прежнему центры гюленизма в Татарстане? // Eurasia Daily [Электронный ресурс]. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2015/11/11/rais-suleymanov-tataro-tureckie-licei-po-prezhnemu-centry-gyulenizma-v-tatarstane> (дата обращения: 11.12.2021).

событий. Сюда же можно отнести недоисследованность убыхской темы, вопрос возрождения шапсугского народа на территории Краснодарского края и многое другое. Наконец, до сегодняшнего дня внутри адыгского сообщества остается достаточно острой тема «разделенности» адыгов между тремя субъектами Российской Федерации, во всяком случае информационная политика государства здесь должна быть гораздо более внятной и последовательной, чем сейчас. Инициатива в освещении и трактовке болезненных моментов недавней истории перехватывается недоброжелателями России, становится фундаментом подрывной идеологической работы, обезоруживает нашу страну в информационной войне, что мы могли наблюдать, в частности, в период подготовки зимних Олимпийских игр в Сочи в 2014 г.

Мифотворчество вокруг адыгского вопроса, опираясь на устойчивую национальную память народов Северного Кавказа, уверенно прокладывает себе дорогу к массовому сознанию и может оказаться фоном обострения межэтнических отношений и использоваться в деструктивных целях против российской гражданской нации. Тезис о политической консолидации кавказских народов вне и без России, неуклюже называемый панкавказизмом, имеет очевидно более искусственный характер. Во-первых, на лицо его откровенная антироссийская направленность при отсутствии какого-либо позитивного скрепляющего начала (достаточно сказать, что из более чем трех десятков найденных нами интернет-ресурсов этой идеологической направленности три четверти оказались русскоязычными, а оставшиеся либо англоязычными, либо двуязычными). Во-вторых, даже когда-то включившиеся в реализацию данного проекта политические силы в конечном итоге констатировали бесперспективность этой идеологической работы по причине колоссального культурного плюрализма и цивилизационной разновекторности Кавказа.

Даже понимая изначальную слабость этих квазицивилизационных проектов, нельзя игнорировать их опасность для судеб российской гражданской нации. При небольших усилиях можно обнаружить на территории практически каждого федерального округа следы работы над схемами, подобными вышеописанным. Отсутствие внятной картины общероссийского будущего и усугубление социальных расколов провоцируют поиск альтернатив, в том числе и предусматривающих демонтаж российской государственности. Государствообразующим народом Российской Федерации являются русские, но демографическая ситуация складывается не в их пользу. Доля русских в составе населения нашей страны ожидаемо и неуклонно будет сокращаться, этот процесс не может не волновать представителей интеллигенций прочих народов России. Здесь срабатывает феномен информационной среды, этносоциальные расколы в нашу эпоху легко доктринируются, нагружаются всевозможной мифологией. И в итоге современный этап развития российского общества кем-то может восприниматься как тупик. Представление о тупиковости цивилизационного пути пробуждает воспоминание о геноциде/изгнании/угнетении предков. Следом за представлением о вариативности дальнейшего исторического пути может встать выбор внешнего ориентира (нового «старшего брата»), и вот уже на лицо новорожденная доктрина развития народа. Можно увидеть в подобном явлении даже проекцию на российскую действительность тезиса С. Хантингтона о столкновении цивилизаций, из коего очередной «мечтатель» неизбежно сделает вывод, что в грядущем столкновении надо выбрать правильного патрона.

Заключение

Итак, один из результатов интеллектуальной деятельности по проектированию альтернативного будущего — возникновение разнообразных квазицивилизационных проектов, локализуемых на территории Российской Федерации. Можно констатировать, что это уже

довольно типичное явление. Незавершенность российского цивилизационного проекта, наличие значительных вызовов в разных сферах (технологической, финансовой, экологической, демографической) провоцируют вопросы о его жизнеспособности, моделирование альтернатив ее существованию, в которых России и русскому народу места нет. С другой стороны, проблема неприятия нынешнего курса развития во многом универсальна, то есть встречается в разных регионах мира. А.С. Панарин в свое время указывал: «Техническая среда носит искусственный характер... Поэтому люди, сформированные в ней, постоянно мучаются мыслью об ином возможном. Техническая среда — умышленная» [Панарин 2002, 234]. Если идея российской гражданской нации подразумевает сверхэтническую и внеконфессиональную общность, то в известных нам квазидецивилизационных проектах господствуют не интеграционные, а, наоборот, сегрегационные установки — на основе расовых, этнокультурных, конфессиональных и других подобных предпочтений. Чужие (русские, славяне, буддисты, атеисты — вариантов множество) не просто нежелательны, а категорически мешают реализации подобных установок, оказываются «лишними» в рамках подобных представлений. Описанная ситуация несет серьезную угрозу для целостности Российской Федерации, стабильного развития российского общества.

Список литературы:

Буданов М.А. Меньшинства, диаспоры, малые группы: феномен двойной лояльности в русскоязычном информационном пространстве // Власть, информационные технологии, массовое сознание: основные тенденции современного политического развития. М.: Аргмак-Медиа М, 2017. С. 127–136.

Дробижева Л.М. Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения // Социологические исследования. 2020. № 8. С. 37–50. DOI: [10.31857/S013216250009460-9](https://doi.org/10.31857/S013216250009460-9).

Лосев А.Ф. Диалектика мифа. СПб.: Азбука-Аттикус, 2018.

Никовская Л.И. Гражданская идентичность как фактор консолидации российского общества: политико-управленческий аспект // Государственное управление Российской Федерации: вызовы и перспективы. Материалы XV Международной конференции «Государственное управление в XXI веке». М.: КДУ, «Университетская книга», 2018. С. 647–653.

Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Эксмо, 2003.

Пушкарева Г.В. Идеи и ценности как способ конструирования символического пространства национальной идентичности // Полис. Политические исследования. 2017. № 5. С. 156–173. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.05.11>.

Тишков В.А. Национальная идея России. Российский народ и его идентичность. М.: АСТ, 2021.

Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). М.: Наука, 2001.

Федоров С.Е., Филюшкин А.И. История и теория наций и национализма. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2016.

Хапизов Ш.М. Аварский народ и болмацI: борьба с пантюркизмом за право на существование. Махачкала: АЛЕФ, 2014.

Goode P. Russia's Ministry of Ambivalence: The Failure of Civic Nation-Building in Post-Soviet Russia // Post-Soviet Affairs. 2018. Vol. 35. Is. 2. P. 140–160. DOI: <https://doi.org/10.1080/1060586X.2018.1547040>.

Gorenburg D. Regional Separatism in Russia: Ethnic Mobilisation or Power Grab // Europe-Asia Studies. 1999. Vol.51. Is.2. P. 245–274.

Semenenko I. Ethnicities, Nationalism and the Politics of Identity: Shaping the Nation in Russia // Europe-Asia Studies. 2015. Vol. 67. Is. 2. P. 306–326.

Shevel O. Russian Nation-building from Yel'tsin to Medvedev: Ethnic, Civic or Purposefully Ambiguous? // *Europe-Asia Studies*. 2011. Vol. 63. Is. 2. P. 179–202. DOI: <https://doi.org/10.1080/09668136.2011.547693>.

Zubrzycki G. *The Crosses of Auschwitz: Nationalism and Religion in Post-Communist Poland*. London, Chicago: University of Chicago Press, 2006.

References:

Budanov M.A. (2017) Men'shinstva, diaspora, malye gruppy: fenomen dvoynoy loyal'nosti v russkoyazychnom informatsionnom prostranstve [Minorities, diasporas, small groups: The phenomenon of dual loyalty in the Russian-speaking information space]. *Vlast', informatsionnyye tekhnologii, massovoye soznaniye: osnovnyye tendentsii sovremennogo politicheskogo razvitiya*. Moscow: Argamak-Media.

Drobizheva L.M. (2020) Russian Identity: Searching for Definition and Distribution Dynamics. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. No. 8. P. 37–50. DOI: [10.31857/S013216250009460-9](https://doi.org/10.31857/S013216250009460-9).

Fedorov S.E., Filyushkin A.S. (2016) *Istoriya i teoriya natsiy i natsionalizma* [History and theory of nations and nationalism]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta.

Goode P. (2018) Russia's Ministry of Ambivalence: The Failure of Civic Nation-Building in Post-Soviet Russia. *Post-Soviet Affairs*. Vol. 35. Is. 2. P. 140–160. DOI: <https://doi.org/10.1080/1060586X.2018.1547040>.

Gorenburg D. (1999) Regional Separatism in Russia: Ethnic Mobilisation or Power Grab. *Europe-Asia Studies*. Vol. 51. Is. 2. P. 245–274.

Khapizov Sh.M. (2014) *Avarskiy narod i bolmatsl: bor'ba s pantyurkizmom za pravo na sushchestvovaniye* [Avar people and Bolmatsl: fight with pan Turkism for right to exist]. Makhachkala: ALEF.

Losev A.F. (2018) *Dialektika mifa* [The dialectics of myth]. Saint Petersburg: Azbuka-Attikus.

Nikovskaya L.I. (2018) Grazhdanskaya identichnost' kak faktor konsolidatsii rossiyskogo obshchestva: politiko-upravlencheskiy aspekt [Civil identity as a factor of consolidation of Russian society: Political and administrative aspect]. *Gosudarstvennoye upravleniye Rossiyskoy Federatsii: vyzovy i perspektivy. Materialy XV Mezhdunarodnoy konferentsii «Gosudarstvennoye upravleniye v XXI veke»*. Moscow: KDU, "Universitetskaya kniga". P. 647–653.

Panarin A.S. (2003) *Pravoslavnaya tsvivilizatsiya v global'nom mire* [Orthodox christian civilization in the global world]. Moscow: Eksmo.

Pushkaryova G.V. (2017) Ideas and Values as a Method of Constructing Symbolic Space of the National Identity. *Polis. Politicheskiye issledovaniya*. No. 5. P. 156–173. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.05.11>.

Semenenko I. (2015) Ethnicities, Nationalism and the Politics of Identity: Shaping the Nation in Russia. *Europe-Asia Studies*. Vol. 67. Is. 2. P. 306–326.

Shevel O. (2011) Russian Nation-building from Yel'tsin to Medvedev: Ethnic, Civic or Purposefully Ambiguous? *Europe-Asia Studies*. Vol. 63. Is. 2. P. 179–202. DOI: <https://doi.org/10.1080/09668136.2011.547693>.

Tishkov V. (2001) *Obshchestvo v vooruzhennom konflikte (etnografiya chechenskoy voyny)* [Chechnya: Life in a war-torn society]. Moscow: Nauka.

Tishkov V. (2021) *Natsional'naya ideya Rossii. Rossiyskiy narod i ego identichnost'* [The national idea of Russia. Russian people and their identity]. Moscow: AST.

Zubrzycki G. (2006) *The Crosses of Auschwitz: Nationalism and Religion in Post-Communist Poland*. London, Chicago: University of Chicago Press.

Дата поступления/Received: 15.12.2021